

методологическим установкам, допускающим сочетание – как взаимно дополнительное – жестко–детерминистских и вероятностно–статистических способов описания, хотя и с возможными ограничениями на их (этих способов описания) предсказательную способность [16, с. 52–57].

Заметим, что, рассматриваемая здесь жесткость и мягкость методологии имеют отношение и к знаменитой проблеме демаркации научного и ненаучного знания, поставленной особенно остро в неопозитивизме (логическом эмпиризме). (А ещё раньше, на наш взгляд, она связана также и с кантовской проблемой типологии знаний, их предметной определённости). Дело в том, что абстрактность и общность математических структур, вводимых в концептуальный базис строящихся физических теорий, а также рост числа успешно “работающих” на внутритеоретическом уровне “экзотических” идеализированных объектов и изощренность используемой “математической техники” стимулируют некоторых теоретиков (например, Д. Бома, Р. Пенроуза [24]) к включению в рассуждения нефизических (и даже ненаучных) компонент. Причем их включение оправдывается главным образом **рациональными** (а не эмпирическими) соображениями.

Источники и литература

1. Арнольд В.И. Обыкновенные дифференциальные уравнения. – М., 1984. – 380 с.
2. Бунге М. Философия физики. – М., 1975. – 349 с.
3. Владимиров В.С. Уравнения математической физики. – М., 1988. – 512 с.
4. Владимиров Ю.С. Метафизика. – М., 2002. – 550 с.
5. Компьютеры, модели, вычислительный эксперимент. – М., 1988. – 176 с.
6. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм. (К дискуссиям в современной эпистемологии). – М., 2004. – 244 с.
7. Микешина Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. – 2004. – № 1. – С. 53–63.
8. Моисеев Н.Н. Математика ставит эксперимент. – М., 1979. – 224 с.
9. Общие принципы квантовой теории поля. – М., 1987. – 616 с.
10. Павленко А.Н. Европейская космология: основания эпистемологического поворота. – М., 1997. – 256 с.
11. Панченко А.И. Философия, физика, микромир. – М., 1988. – 193 с.
12. Попов Ю.П., Самарский А.А. Вычислительный эксперимент. – М., 1983. – 64 с.
13. Ратников В.С. Физико-теоретическое моделирование: основания, развитие, рациональность. – Киев, 1995. – 292 с.
14. Ратников В.С. Синергетический подход в контексте проблемы научной рациональности // Практична філософія. – 2003. – № 1. – С. 49–62
15. Ратников В.С. Научная рациональность: на пути к обновлению критериев и идеалов // Sententiae. – 2004. – Спецвыпуск № 1: Проблемы рациональности. – С. 144–169.
16. Ратников В.С., Макаров З.Ю. Научная рациональность, стохастичность и пределы предсказуемости // Практична філософія. – 2005. – № 4. – С. 39–60.
17. Рихтмайер Р. Принципы современной математической физики. – Т.1. – М., 1982. – 410 с.
18. Романовская Т.Б. Границы физики в конце XX века // Границы науки. – М., 2000. – С. 79–101.
19. Самарский А.А. Неизбежность новой методологии // Коммунист. – 1989. – № 1. – С. 82–92.
20. Чудинов Э.М. Природа научной истины. – М., 1977. – 312 с.
21. Эйнштейн А. Физика и реальность. – М., 1965. – 359 с.
22. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. – М., 1966. – Т.3. – 632 с.
23. Эксперимент на дисплее. Первые шаги вычислительной физики. – М., 1989. – 175 с.
24. Penrose R. The large, the small and the human mind. – Cambridge, 1997. – 201 p.
25. Putnam H. Renewing philosophy. – Cambridge, 1992. – 234 p.

Савостьянова М.В.

ПАРАДИГМАЛЬНАЯ НАУКА И ПАРАДИГМЫ КУЛЬТУРЫ

Одна из иллюзий, касающихся науки, заключается в том, что детерминированность ее развития часто связывают исключительно с гносеологическими факторами и гораздо реже – с социокультурными, мировоззренческими или аксиологическими. Включение последних в число доминант развития науки сразу снизило бы «объективность» ее постулатов и подвело под сомнение «независимый поиск истины», которым занимается наука. Потому что человечество, так долго полагавшееся на свое всемогущество и всемогущество науки, с таким трудом сдает последний бастион.

Тем не менее парадигмальная наука сегодня более чем когда-либо детерминирована социокультурно и аксиологически, и главной ценностью ее становится не истина, а эффективность. В целях познания и в целях науки наблюдается очень заметное расхождение ценностных мотивов. Поэтому через анализ взаимосвязи, взаимодействия, взаимопорождения ценностей науки и культуры мы рассчитываем выйти на аксиологические основания научной парадигмы и парадигмальной науки как явления, как фактора, трансформирующего сегодня мир и сознание людей.

Безусловно, само понятие «парадигма» имеет явно выраженный гносеологический аспект, в том числе в работах Т. Куна. Однако следует отметить, что познание не происходит вне пространства культуры, вне ее ценностей и потребностей ее субъектов.

Единство и сложность взаимосвязей любых человекообразных систем, в том числе таких, как наука и

культура, хорошо иллюстрирует мнение С. Б. Крымского: «Мир конструируется как ценностно–смысловой универсум (ЦСУ). Для современной философии, если интерпретировать ее главный вопрос с точки зрения единства мышления и бытия, ЦСУ является предметным полем фундаментальной философской проблематики» [4 с. 27]. Под ценностно–смысловым универсумом «имеется ввиду единый порядок бытия, потому что ценностно–смысловая деятельность раскрывает то единство экологии, онтологии и праксеологии, которая обеспечивает прочное единство цивилизационных систем» [там же].

Именно поэтому можно утверждать, что парадигма науки тесно связана с парадигмой культуры. При этом не столь важно, как много людей знают о реальном содержании парадигмы культуры или его одобряют, поскольку парадигма не определяется большинством, тем более – в информационном обществе. Важно то, что она определяет стратегию и тактику развития общества в заданном направлении. Это представляется наиболее интересным, когда мы говорим об аксиологических основаниях как науки, так и культуры.

Стремление к познанию можно назвать антропологической характеристикой человека, а научное творчество считать одним из проявлений врожденной способности к творчеству вообще. Однако любая осознанная деятельность, тем более научная, не может осуществляться вне ценностно–смыслового контекста как личности, так и культуры, хотя сам этот контекст может оказаться недостаточно отрефлексированным. Тем не менее наука, как и культура вообще, реализует смысл в действии. Но реализация смысла невозможна без сознательного принятия чего–либо как ценности.

Т. Кун в работе «Структура научных революций» отмечал: «Под парадигмой я понимаю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» [5 с. 11]. Но что задает саму модель? Только ли научные достижения? Создается впечатление, что наука детерминирует сама себя, а научные достижения определяют как цели, так и направления развития науки (а с ней и культуры). Однако представляется, что это не совсем так, поскольку «признанные научные достижения» имеют аксиологическую, мировоззренческую, смысловую причину своего признания. Именно аксиологическую, а даже не «стандарты понимания» научного сообщества, как считал С. Тулмин. Кроме того, знания, которые дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения – это скорее не сами знания, а некие методологические и гносеологические их эквиваленты.

Само слово «парадигма» меняет свое значение и содержательное наполнение в зависимости от контекста употребления. Парадигма науки, парадигма культуры, парадигма познания – это в некотором смысле разные понятия.

Парадигмальность Т. Кун связывает прежде всего с научным познанием. С. А. Борчиков также отмечает: «Не может быть познания вообще. И хотя субъектом познания может выступать группа людей, социальный организм или социум в целом, всё равно познание реализуется через познавательную активность отдельных личностей. И то, каково их познание, определяет и то, какова общая развертка познания» [1].

Под парадигмой познания подразумевается устойчивая в течение определенного времени совокупность способов, форм, методов, приемов и тому подобных модификаций познания. Можно различать понятия парадигмы познания и собственно парадигмы, выделяя при этом также парадигму знания («знание о знании», или методологию исследования и систематизации отдельных фактов). Но здесь, как нам кажется, мы выходим уже не на методологический уровень, а на концептуальный. На наш взгляд, «знание о знании» если и нуждается в каком–то методологическом подходе, то именно в таком, который мог бы упорядочить и систематизировать его концептуально.

Парадигмы по–разному характеризуют элементы универсума и поведение этих элементов. Т. Кун отмечал, что переход от парадигмы в кризисный период к новой парадигме представляет собой процесс далеко не кумулятивный и не такой, который мог бы быть осуществлен посредством более четкой разработки или расширения старой парадигмы. Представляется, что такой переход совершается с учетом общекультурной парадигмы или как–то к ней адаптируется, хотя возникает большое искушение думать, что наука абсолютно самостоятельна в своем развитии и ее движение детерминировано исключительно расширением фактической, методологической и концептуальной базы. Впрочем, последнее, как бы абстрактно ни было, все же имеет как культурологическую, так и аксиологическую окраску.

По Куну, для смены парадигм необходима смена ракурса, фокуса видения. Под видением здесь понимается даже не целенаправленное наблюдение, а особое, как считает С. А. Борчиков, «мировоспринимающее и гносеологическое видение, которое характеризует всякую парадигму познания в модусе специфики её познавательного приложения» [1]. Характерно, что ученый невольно связывает мировосприятие и способы познания, но не указывает на связь мировосприятия с мировоззрением, картиной мира, а следовательно – ценностями и смыслами. Одно оказывается оторвано от другого, и не только в представлении этого исследователя.

Различные исторические эпохи и разные философские системы накладывают свой отпечаток на понимание ценностей. Научная картина мира для многих тоже является ценностью, поскольку упорядочивает и объясняет бытие довольно логично, хотя и искусственно. Как пишет С. Б. Крыский, «человеческое бытие конституировано феноменально в определенном ценностно–адаптированном варианте. И действительность очеловеченной реальности теряет черты объективной стихийности. То, что называют «трезвой действительностью», на самом деле является компромиссом, коллажем утопии и жизни. Иначе... действительность была бы не трезвой, а сумасшедшей» [4, с. 27]. Однако такое конституирование не случайно: «Мы создали себе искусственно комфортный мир, в котором отгородились от всего непонятого, тревожного, тианственного» [Там же].

Мы получили то, что хотели? Но каков мир реальный? Об этом нам говорят факты. Хотя факт тоже перестает быть «элементарной частицей» научного знания, он сложнее, чем представлялось ранее, и тоже имеет смысловую и аксиологическую нагруженность. Ю. А. Мелков обращает внимание на следующее обстоятель-

ство: «То, что делает факты значимыми, интересными, нужными – заключается, в значительной мере, именно в смысловом и ценностном их аспекте, во взгляде с определенной точки зрения. Если даже и можно выделить в фактическом знании «голую» информацию, вне-смысловое содержание факта, то такое содержание будет буквально бессмысленным, прежде всего для самой науки» [6, с. 196].

Подобные мнения высказываются и другими учеными. В. Л. Чуйко отмечает, что «далеко не все наши представления непосредственно зависимы от практики и отзеркаливания природы» [8, с. 9], а В. П. Визгин считает, что «ненаучный контекст науки», ее культурная среда не может быть отделенной от самой науки – она составляет само тело науки, ее «постав» [2, с. 47]. Очень интересную мысль высказал немецкий философ Г.Йонас. Он выдвигает тезис о том, что «аксиология должна стать частью онтологии – то есть, необходимо осознать, что ценности укоренены и в бытии, тем самым преодолевая «кажущуюся бездну между бытием и долженствованием» [3, с.124].

Из вышесказанного следует, что не всегда можно отделить науку «как познание» от науки как культуры. Ценности же науки и культуры не могут существовать, не взаимодействуя и не учитывая потребностей человека и социума. И как бы по-разному на первый взгляд ни выглядели ценности науки и культуры, они существенно похожи и онтологически необходимы. Сущность же ценностей, по выражению Г. Риккерта, «заключается не в их фактичности, то есть не в их существовании, а в их значимости. Про ценность нельзя даже сказать, что она «есть», сфера ценностей – это «смысл, лежащий над всяким бытием» [7, с. 46].

Современный кризис науки часто связывают с кризисом научной рациональности, а аксиологические вопросы поднимаются только как вопрос о ценности самой науки. Однако представляется, что истоки этого кризиса нужно искать не столько в научной рациональности, сколько в кризисе смысла, смещении ценностных акцентов в культуре. В результате культура выбирает направление, ведущее ее к таким реалиям, которые сегодня принято называть глобальными проблемами человечества и гуманитарными проблемами современности.

Источники и литература

1. Борчиков С.А.. Методологическое значение понятия парадигмы познания // http://www.ozersk.ru/philosophy/ro1/bor_ro1.shtml.
2. Визгин В.П. Истина и ценность // Ценностные аспекты развития науки. – М.: Наука, 1990.
3. Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації: Пер. з нім. – К.: Ліб-ра, 2001.
4. Кримський С.Б. Запити філософських смислів. – К.: Парапан, 2003. – С.27.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. Мелков Ю.А. Факт в постнеклассической науке. – К.: Парапан.
6. Риккерт Г. Два пути теории познания: Пер. с нем. // Новые идеи в философии. – Сб. 7. – СПб.: Образование, 1913.
7. Чуйко В.Л. Рефлексія основоположень методологій філософії науки. – К.: Центр практичної філософії, 2000.

Семиколенов В.Н.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МОРАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что к концу XX – началу XXI века сформировались условия для качественно нового этапа в развитии информационно-коммуникационной инфраструктуры и информационной среды в целом, что приводит к необходимости анализа специфики бытия морали в информационном обществе. Изменения, происходящие в мире, непосредственно затрагивают такую основу существования человека, общества и культуры, как мораль.

На сегодняшний день существует множество работ, посвященных специфике информационного общества (М. Альетта, Д. Белла, Ж. Бодрийяра, Н. Гарнэма, Э. Гидденса, М. Кастельса, Ж.-Ф. Лиотара, А. Липица, М. Постера, А. Тоффлера, А. Турена, Г. Шиллера, Ф. Уэбстера, Ю. Хабермаса, Д. Хорви и др., а также отечественных и российских ученых Ю.Ф.Абрамова, Г.Т.Артамонова, Н. П. Ващекина, А. С. Гальчинского, В. Л. Иноземцева, В. В. Кизимы, В. О. Ковалевского, М. М. Кузнецова, И. Н. Курносова, Г. П. Несвита, Ю. А. Нисневича, Б. А. Парахонского, Г. Г. Почепцова, В. М. Розина, Г. Л. Смоляна, Д. С. Черешкина и др.). Однако авторы, исследовавшие вопросы, связанные с информационным обществом, не ставили специально проблемы воздействия информационного общества на мораль.

Тем не менее, мораль и моральные установки являются не только регулятором отношений в социуме, но и регулятором поведения личности в соответствии с ее целями, ценностями и жизненными смыслами. В информационном обществе, одной из особенностей которого является избыточность информации, проблема выбора моральных приоритетов значительно усложняется. Учитывая диалогичность сознания и его деятельностно-коммуникативную природу, мы можем констатировать, что мировоззренческие, а соответственно, и морально-нравственные представления существенно изменяются при взаимодействии с информационной средой.

Представляется, что проблема специфики бытия морали в информационном обществе может быть адекватно поставлена только тогда, когда, во-первых, прояснен вопрос о месте и функциях морали в историко-культурном развитии общества вообще и, во-вторых, определена специфика методов исследования морали. Однако при определении методологических оснований для изучения морали в культурных перспективах ин-